

С Ш Л А М Е Н Е М В С Е Р Д Ц Е

К 75-летию со дня рождения
Всеволода ВИШНЕВСКОГО

Его жизнь была необычайно яркой, боевой и прекрасной. В четырнадцать лет — отважный разведчик на одном из фронтов первой мировой войны. После революции — боец Красной Армии, сражавшийся на Волжской военной флотилии, на бронепоездах, в Первой Конной, в партизанских отрядах Крыма.

После гражданской войны — поллитработник Балтфлота. Он воевал в финскую кампанию и в годы Отечественной войны, пройдя от блокированного Ленинграда до штурма Берлина.

Столь богатая биография определила и весь творческий путь писателя-коммуниста Всеволода Вишневского. В ранних очерках и рассказах, в эпических пьесах «Первая Конная», «Последний решительный», «На западе бой», «Оптимистическая трагедия», «У стен Ленинграда», в прозаической эпопее «Война», в публицистических выступлениях и статьях он воспевал героические подвиги бойцов и командиров Советской Армии и Флота.

В литературу он вошел стремительно, бурно. Первой же своей пьесой завоевал всеобщее признание смелыми поисками новых путей в драматургии, творческим темпераментом и страстной революционной убежденностью.

Мне неослабно в течение почти двадцати лет, со времени работы над сценарием «Мы из Кронштадта», быть с ним в большой творческой и личной дружбе. Коренастый, широкоплечий, с умным, пронзительным взглядом, он обладал даром исключительной наблюдательности. Воспринимал явления действительности широко, всеобъемлюще, но в то же время видел и мельчайшие подробности человеческой жизни.

Вспоминаю, как в одной зарубежной поездке шли мы по какой-то улице с обычным движением автомашин, пешеходов, с обычными витринами магазинов. Улица как улица — ничего особенного. Казалось, что Всеволод Витальевич мало обращает внимания на все окружающее. Шагал молча, не глядя по сторонам, будто ничем не интересуясь. А затем в дневниковых записях или корреспонденции он подробнее описал увиденное: и характер той улицы, и облик прохожих, и то, что можно было увидеть за окнами домов, — цвет занавесок, мелькнувшие мгновения жизни обитателей квартир, и многое-многое другое. В итоге возникла характерная атмосфера жизни этой улицы, признаки эпохи, широкое обобщение и глубокий анализ среды.

Широко известен Всеволод Вишневский как замечательный оратор.

Помню одно из его выступлений в 1936 году в буржуазной Праге. Был устроен вечер с нашими докладами о Советской стране и киноискусстве. В большом, переполненном до отказа зале Всеволод, как обычно, начал свою речь тихо, словно сквозь зубы, а затем, загораясь, заговорил громче, быстрее, находя образные сравнения, хлесткие фразы. Темперament его проявлялся все сильнее, мысль бурлила, опережая слова. Это был уже поток, обрушившийся на зал, страстный, пылкий, буквально завожоживший аудиторию. Выступление Вишневского прервалось аплодисментами, а по окончании зал устроил ему овацию. Он покориł слушателей, теперь неистово аплодировавших ему — человеку обновленной России.

Речи писателя звучали и в самые тяжелые месяцы в осажденном Ленинграде. Я слышал его выступление на одном из заводов, находившемся на переднем крае. Когда Всеволод начал выступать, фашистская артиллерия открыла огонь. Снаряды рвались на территории завода. Вишневский, не обращая никакого внимания на обстрел, продолжал говорить с еще большим запалом, гневом, воодушевлением. Люди, слушавшие его, были так воспламенены словами оратора, что, кажется, тут же могли бы ринуться в бой!

Многие помнят, как эмоционально, неистово читал он и свои пьесы, сценарии. Он блестяще «цитрал» каждый персонаж, раскрывая его характер, манеру речи, интонации. И сам заражался тем, что им же было написано. Так, при чтении сценария «Мы из Кронштадта» в Союзе писателей и на студии «Мосфильм» при эпизоде казни моржов, повпавших в плен к белым, по лицу автора текли слезы. Быстрым движением руки он смахивал их, но они крупными каплями снова и снова текли из глаз.

Он был идеальным зрителем. Бурно переживал все, что происходило на экране или на сцене. В напряженные моменты действия начинал учащено дышать, скрежетал зубами, то плакал, то в ярости сжимал кулаки.

Уже став известным литератором, в душе он оставался военным человеком. Любил носить флотскую форму, любил поездки в воинские части, дружил с прославленными полководцами.

Начиная писать сценарий или пьесу, Вишневский считал совершенно необходимым всестороннее изучение жизни той среды, в которой происходило действие. Хотя он прекрасно знал жизнь Балтийского флота, каждый раз, касаясь темы о морях, ехал в Кронштадт.

Так было и при работе над сцена-

рием «Мы из Кронштадта». Вместе со мной он вновь и вновь изучал архивные материалы, документы, ходил в учебные походы кораблей. Однажды он вернулся из штаба флота и радостно сообщил:

— Завтра в шесть тридцать утра идем с тобой на подводной лодке в район маневров!

— А зачем нам эта подводная лодка? — сказал я. — Ведь в сценарии ее нет.

— Ты должен знать все о флоте, почувствовать его жизнь! — решительно заявил Всеволод.

В тот вечер пришел он в комнату, где мы жили, очень поздно, около трех часов ночи. А встать нам надо было не позднее половины шестого. Проснулся я четверть шестого. Вишневский спал, наглухо закрывшись одеялом. Я не будил его в надежде, что он проспит. Лежал, не решаясь даже закурить. Прошло пять минут, десять, пятнадцать. Всеволод спал. Рассчитав, что, пока Вишневский встанет, оденется, время идти к лодке будет уже упущено, я взирнул спичкой, закурил. Тут мой друг проснулся. Я, торжествуя, накинулся на него:

— Ну, вот, из-за тебя мы теперь не успеем к отплытию лодки!

— Почему? — удивился Всеволод.

— Потому, что тебе еще надо одеться!

— Не надо, — сказал Вишневский, откидывая одеяло. И оказалось, что он предусмотрительно лег не раздеваясь. Моя хитрость не удалась.

Теперь я рад, что участвовал в походе подводной лодки, наблюдал погружение, учебные стрельбы.

Тогда же он повез меня по местам боев с войсками Юденича на балтийском побережье, считая нужным увидеть своими глазами те районы, где происходило действие его сценария «Мы из Кронштадта». Глядя на осыпавшиеся, поросшие травой окопы того времени, он с воодушевлением говорил о былых сражениях, стратегии и тактике нашей обороны. Соприкасаясь с военной или флотской средой, с боевым напим прошлым, он всегда загорался, потому что сам всю жизнь был бойцом — и в военные времена, и в мирные, на службе во флоте, и работая в литературе.

В писательской среде он сражался за монументальное искусство, за неустанные поиски нового, боролся против натурализма, бытовщины, безыдейности. Он был горячим патриотом Родины, истинно партийным советским писателем.

Ефим ДЗИГАН,
кинорежиссер,
народный артист СССР.